

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

ЭТНИЗАЦИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ПРОЦЕССА*

А.А. Оносов¹, А.Г. Гаспаришвили²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

²Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия

В статье в рамках существующих научных подходов продолжается рассмотрение этнизации массового сознания российских граждан, происходящей в условиях трудовой миграции внутри России и из-за рубежа. В работе представлены результаты ситуационного анализа и гуманитарной экспертизы процесса формирования этнической идентичности русского населения Москвы и Московской области как главных российских центров притяжения международных трудовых мигрантов. На основе статистического материала, данных опроса общественного мнения и экспертных оценок описывается эмпирическая модель этнической идентичности, предлагается ее теоретическое обоснование и интерпретация. Исследование этнической идентичности сопровождается изучением вопросов о причинах и факторах самого процесса этнизации массового сознания русских, анализом и экспликацией реального содержания и характера этого процесса с учетом конкретных условий его проявления, способствующих усилению или ослаблению этнизации. При этом этнизация сознания рассматривается в широком контексте глобальной этносоциальной динамики: как часть и отражение общего цивилизационного процесса, в логике которого подъем этнического самосознания различных социальных групп и региональных сообществ — не только в России, но и далеко за ее пределами — есть вынужденный ответ на глобализацию в том виде, в каком она практикуется в современном мире.

Ключевые слова: идентичность; трудовая миграция; этническая идентичность; этнизация; этническое самосознание; общественное мнение; гуманитарная экспертиза

В рамках исследовательской инициативы по изучению миграционной ситуации в современной России был выполнен проект «Исследование этнизации массового сознания русских в условиях массовой трудовой миграции внутри России и из-за рубежа, интеграции мигрантов в российское общество»**. Целями этого проекта являлись получение научной картины процесса этнизации массового со-

* © А.А. Оносов, А.Т. Гаспаришвили, 2016.

** При реализации данного проекта были использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Институтом общественного проектирования по итогам VI Конкурса «Проблемы развития современного российского общества» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 3 мая 2012 г. № 216-рп.

знания российских граждан, происходящего в условиях массовой трудовой миграции внутри России и из-за рубежа, определение возможных негативных последствий этого процесса для формирования российской политической нации, социальной стабильности в регионе и стране, изучение образцов толерантного сосуществования и взаимодействия российских граждан разной этнической принадлежности и граждан других государств постсоветского пространства, условий толерантности и перспектив интеграции, выработка рекомендаций по совершенствованию политики, направленной на оптимизацию межэтнических отношений в российском обществе.

В качестве целевых групп исследования выступали этнические русские, постоянно проживающие в Москве и Московской области, а также эксперты в области миграции: представители органов государственного управления, представители общественных организаций, ученые, представители СМИ.

Основные характеристики *миграционной ситуации* в московском регионе как необходимого контекста этноцизации массового сознания русских рассмотрены в отдельной работе [1]. В предыдущей статье [2] на эмпирическом материале рассматривались вопросы многомерной *идентичности представителей русского этноса* московского региона. В данной работе затрагивается другая часть обозначенной проектом проблематики — процесс собственно этноцизации русского населения, его анализ и экспертная оценка.

Исследование этнической идентичности с необходимостью ставит вопросы о причинах и факторах самого процесса этноцизации массового сознания русских, требует экспликации его реального содержания и характера с учетом конкретных условий его проявления, способствующих усилению или ослаблению этноцизации. Большинство экспертов разделяет мнение, что в настоящее время действительно происходит этноцизация сознания русских. При этом значительная часть специалистов высказывают свое согласие с этим тезисом лишь с некоторыми оговорками.

Иная позиция, подвергающая сомнению актуальность процесса этноцизации русской части населения России, была выражена суждениями различной степени категоричности.

1. Несогласие, которое сводится к сомнениям в том, что этноцизация актуализировалась именно в настоящее время, а не проявлялась и ранее: осознание себя русскими — не новое явление для русских. Они всегда ощущали себя таковыми, гордились этим. Может быть, сегодня они просто в относительно большей мере ощущают себя таковыми.

Скепсис в вопросе этноцизации сознания русских может носить и более категоричный характер, приобретая форму явного несогласия или даже отрицания. В частности, эксперты указывают, что в 1990-е гг. процесс этноцизации русских происходил более активно и бурно, чем в настоящее время: в период резко нестационарной социальной динамики последнего десятилетия минувшего столетия, когда шло интенсивное становление и восстановление многих идентичностей, был резкий всплеск и русского самосознания. Был и феноменальный подъем религиозного чувства и сознания. Все это направляло и оформляло общественный дискурс в поисках ответа русских людей на вопрос «кто они» и сопровождалось

различными опытами осознания себя русскими — представителями этноса, возвращающегося к своим фундаментальным архетипам в новое историческое время, в новых геополитических условиях. Сейчас активность этого процесса снижена, отчасти, по причине более стабильной, уравновешенной ситуации, отчасти — благодаря именно опыту этнизации, приобретенному с тех самых 90-х, позволившему уже освоить относительные высоты этнического самосознания русских, достичь его определенной зрелости. Так или иначе, по мнению экспертов, в «нулевые годы» процесс этнизации русских был если и не приостановлен, то заметно заторможен, зато наблюдались его отдельные маргинальные проявления, заключающиеся в политизации этнического компонента организованности российского социума.

Вместе с тем следует отметить, что подъем этнического самосознания различных социальных групп и региональных сообществ, не только в России, но и далеко за ее пределами, есть часть и отражение общего цивилизационного процесса, точнее — вынужденный ответ на глобализацию в том виде, в каком она практикуется в современном мире. Тесная клетка унифицированного формата глобализации, не терпящей самостийных вариаций, ее жесткий подгоняющий ритм, прокрустово ложе ее экономических, политических, культурных стандартов порождает в мире сопротивление этому, по сути, «бульдозерному» процессу — его поглощающему самобытные этносы, отдельные государства и целые исторические провинции ходу — в виде региональных и локальных этнокультурных моделей. Это сопротивление глобализации, ее цивилизационная оппозиция приобретает черты *глокализации*, нарастание которой повсеместно в мире становится особенно очевидным в последнее десятилетие. Глокализация как раз существенно подстегивает процесс этнизации, получая в ней свое частное обоснование, а в ее лоне происходит оформление отдельного мирового социокультурного паттерна в рамках некоторой целостности, в том числе — этнической.

И все же, оспаривая темпы, формы и конкретный характер процесса этнизации сознания русских, эксперты из числа скептиков в этом вопросе, тем не менее, неявно соглашались с тем, что самоидентификация русских именно как представителей русского этноса происходит, по сути, во всякое время, пока существует сам этнос, ибо так он воспроизводит себя на идеологическом уровне.

2. Несогласие может сводиться к специфическому пониманию процесса этнизации. В первую очередь, это связано с особенностями актуального состояния этносоциологии, в рамках которой нет выработанных единых дефиниций таких ключевых понятий, как «этнос» и «нация», и существует целый ряд подходов к их содержательному определению. Например, этничность может восприниматься в первую очередь как феномен, основанный на кровнородственных связях, в настоящее время проявляемый преимущественно в сельской местности: этнические архетипы лучше укоренены и меньше подвержены искажениям «на земле», в деревнях, в тиши и неспешности сельского уклада жизни. Москва же — это мегаполис, и в нем и его пригородах принципиально другой стиль жизни.

По мнению ряда экспертов, нельзя ожидать, что в разношерстном мегаполисе, являющемся к тому же еще и столицей, развивается процесс активной, выражен-

ной этнизации. Здесь, в виду стремительности и мозаичности потока городской жизни, разноформатности и многозвучия «*modus vivendi*», скорее всего, может формироваться и укрепляться чувство собственной идентичности, отстраненной от жестких этнических стандартов, становящихся плохо различимыми в «шуме городском» различных этнокультур.

При таком понимании этничности процесс этнизации остается за стенами мегаполиса, хотя, как отмечают некоторые эксперты, в Москве все же происходит усиление этнической идентичности. Таким образом, в данном случае несогласие с тезисом об актуализации процесса этнизации сознания русского населения столичного региона связано с пониманием самой этничности в достаточно узком и строгом смысле — как феномена домодерного и реликтового, и, по этому определению, уже несвойственного современному городскому пространству.

3. В развитие данной темы эксперты отмечают, что процесс этнизации вообще более характерен для регионов, чем для административных столиц и урбанистических центров: этнизации сознания в большей мере отвечают условия провинциальных городов и городков, сельских районов и поселений, но не мегаполисов, обитатели которых ставят перед собой несколько иные цели, решают иные задачи и в целом ведут иной образ жизни.

4. Другой комплекс причин несогласия связан с утверждением, что этнизация происходит не массово, а лишь в отдельных социальных группах. Часть экспертного сообщества уверена при этом, что этнизация навязывается обществу, тогда как ее естественный ход купирован в достаточно узком слое людей. Например, этнизация сознания характерна для групп, занятых в реальной «местной» экономике, но не свойственна вовлеченным в сферу мировой экономической активности, которые в большей степени тяготеют к космополитическим социально-профессиональным идентичностям. Другую социальную среду, в которой идет процесс этнизации, по экспертному мнению, создают определенные политические группы и силы, эксплуатирующие в своей общественной деятельности этническую проблематику.

Таким образом, экспертное заключение о процессе этнизации русской части населения Москвы и области — его актуальности, выраженности, масштабности и проч. параметрах — отражает не столько отрицание самого процесса, сколько сложную терминологическую ситуацию в этносоциологии, неоднозначное оперирование базовыми категориями, а также попытки дифференцировать и сузить социальную базу этнизации. Чаще всего несогласие с гипотезой об идущей в столичном регионе этнизации русских заключается в том, что этот процесс признается снизившим или утратившим свое напряжение и актуальность или о преваливании в городском пространстве Москвы социально-профессиональных идентичностей.

В конечном счете, учитывая все рассмотренные частные оговорки и разночтения в экспертных мнениях, в качестве доминирующей, более обоснованной и общей точки зрения специалистов следует признать ту, согласно которой в среде русских, проживающих в московском регионе, действительно идет и по своим законам развивается процесс этнизации.

Можно выделить ряд наиболее важных взаимосвязанных причин нарастания и углубления процесса этнизации.

1. Распад Советского Союза, который не только вызвал идеологический отказ от конструирования сверхнациональной общности «советский народ», но и привел к переструктурированию единого советского пространства в постсоветскую ассоциацию национальных республик-государств. Кроме того, процессом распада СССР были активированы миграционные потоки — как внешние, так и внутренние, были выдвинуты вопросы о статусе различных субъектов самой Российской Федерации. Все эти обстоятельства, безусловно, способствовали интенсификации процесса этнизации.

2. В результате активизации миграционных процессов в постсоветский период началось быстрое изменение этнического состава Москвы, что привело к постепенному формированию в мегаполисе характерного этноконтрастного пространства. Мигранты, представляющие для русских москвичей «других», стали частью их жизненного мира. Вследствие этого значительно выросла значимость лингвистических, визуальных, культурных, поведенческих различий между двумя группами — местным населением и инокультурным контингентом. Подобные ситуации, как правило, запускают и усиливают идентификационные процессы по критериям отличий групп «своих» и «других». В данном случае эти критерии тесно связаны с этничностью.

Когда разнообразные и многочисленные этнические товарищества, землячества, диаспоры размежевывают единое культурное пространство мегаполиса, чтобы самим лучше ориентироваться в нем и сделать его более комфортным, «этнически теплым» для себя, они невольно этими воздвигаемыми переборками отгораживают себя от других этносов, в том числе — русских. А в результате такая этнокультурная, по сути, псевдоадаптационная инициатива диаспор отгораживает самих русских, отграничивая и маркируя флажками иных культур пространство, оставшееся незанятым, для русской культуры. Последняя «прописывается» на той территории социокультурного целого, которая арифметически есть остаток после вычитания из этого целого различных пришлых этнокультурных многообразий.

3. По мере формирования в Москве устойчивого этноконтрастного пространства все большую злободневность и остроту приобретают проблемы межэтнического взаимодействия в политическом, культурном, бытовом, информационном полях, что обуславливает появление политических и гражданских движений, различных инициативных объединений, акцентирующих внимание на этих проблемах, создающих праведный и несправедный политический капитал на теме межэтнических противоречий и конфликтов. Возникновение и деятельность подобных движений, — даже та, которая нередко оборачивается манипуляцией массовым сознанием, — способствует самоорганизации людей в группы «общественного самоуправления», «инициативы снизу», «народного правопорядка» и проч., которым свойственен эффект «информационного резонанса». В результате, по экспертной оценке, создается ощущение, что идея, на основании которой формируется та или иная целевая инициативная группа — всеобщая и к тому же обнажающая самую суть вскрытой проблемы межэтнических отношений.

4. Причиной этнизации сознания русских служит и негативное отношение к ним, начиная с несправедливых, дискриминационных шаблонов восприятия представителями иных — как внутрироссийских, так и зарубежных — этносов, и заканчивая откровенным этнотерриториальным сепаратизмом, угрозами и санкциями внешних политических субъектов, их плохо маскируемыми стремлениями к децентрализации России как полиэтнического государства. Для обозначения данного отношения экспертами применялся концепт «руссофобия», который приписывается некоторым этническим группам (татарам, чеченцам) и государствам (Польше, Латвии, Эстонии, Украине). В таком контексте этнизация понимается как консолидация этноса, его ответная защитная реакция на политику, негативно воспринимаемую русским населением.

В этих случаях ряд экспертов отмечают присущее русским стремление оказать определенное противодействие той руссофобии, которая имеет место. Руссофобия, по их мнению, — это проблема не московского и даже не российского масштаба; ее генезис связан чаще всего с внешними источниками и причинами. Так или иначе, фактор руссофобии побуждает русских не только в Москве и области, но и в России в целом к тому, чтобы они еще громче и увереннее заявляли, что они являются носителями особой этничности, что они — именно русские.

5. Утрата русскими роли и статуса системной, государствообразующей нации. Согласно историческим справкам специалистов, в советский период, как и во времена Российской империи, этнизация сознания русских политически сдерживалась культивированием идеи об особой роли русских в государстве («имперская миссия», позиционирование русского народа в качестве «старшего брата» в советской семье народов). Такая внутренняя политика привела к тому, что к концу XX в. русские все еще не оформились как классическая нация — одна из современных наций по типу европейских. Сложившееся положение сохранялось и сразу после распада СССР, но вызванная им историческая необходимость осознания русским народом себя в новых государственных очертаниях — Российской Федерации, и в новой этнокультурной конфигурации, неотвратимо поставила вопрос и о статусе самого русского народа.

Последующая этнизация русских стала закономерным следствием такого хода исторических событий: важно было не раствориться, не затеряться в очередной раз в большом числе и многообразии проживающих в новообразованном государстве этносов, имеющих и прямо декларирующих свои национальные права и интересы в этом полиэтническом государстве.

Обобщая выявленные экспертной группой причины активизации процесса этнизации массового сознания русских в Москве и области, следует обратить внимание, что во всех случаях в качестве ключевой точки развития процесса этнизации выступает распад СССР, породивший соответствующие условия. Действительно, все обозначенные выше причины этнизации русских сами являются прямыми или косвенными следствиями дезинтеграции советского пространства, его трансформации в постсоветское, и потому распад СССР можно классифицировать как геополитический мегафактор этнизации сознания русского населения России в целом и московского региона в частности.

Помимо этого предельно генерализированного комплексного фактора можно также выделить факторы «второго порядка общности», агрегирующие частные, вполне конкретные причины этнизации сознания русских, проживающих в Москве и Подмосковье.

1. *Информационный фактор.* Информационная политика различных СМИ, включая государственные, безусловно, способна оказывать направленное воздействие на этнизацию, задавая ее смысловые акценты, придавая ей тот или иной характер: подстегивая или притормаживая ее ход, направляя ее в цивилизованное и конструктивное русло или же поощряя форму стихийного и разрушительного для самого этноса процесса.

Рассматривая конкретную историческую ситуацию — развитие этнизации сознания русского населения Москвы и области, — эксперты отмечают двойственную роль средств массовой информации в этом процессе. Часть специалистов фиксируют стимулирующий эффект информационного фона, выражающийся в активизации становления и оформления этнической идентичности русских, наполнении ее содержательными идеологическими концептами.

Другая часть специалистов указывает, что современная информационная среда, генерируемая большим количеством, преимущественно, неподконтрольных источников самого разного рода, полярной политической ориентации и всевозможной национальной юрисдикции, технологически и событийно представляя собой принципиально глобализированное явление, неизбежно носит космополитичный характер, который, наоборот, не способствует развитию процессов этнизации русского населения. В результате в общем информационном потоке равнодействующая различных СМИ приводит к сдерживанию и затуханию этнизации, к дезактивации самой потребности в этнической идентичности.

2. *Политический фактор*, анализ которого представлен экспертами в двух аспектах. В одном случае рассматривается «отрицательная значимость» этого фактора — как результат отсутствия национальной политики, способной однозначно определить роль и место русских в новом российском государстве, в исторически долгосрочной цивилизационной перспективе. В другом случае его действие прослеживается в стремлении различных политических групп, которые на общественном интересе к вопросам этнизации сознания «сколачивают политический капитал», актуализировать и повысить значимость этнической идентичности для достижения своих политических целей.

3. *Материальный и социальный факторы.* В наиболее концентрированном виде комплексное значение данных факторов можно выразить следующей формулой: если люди имеют низкую зарплату, проблемы с работой, социальной защитой, то они в значительно большей мере, чем их материально и социально более благополучные сограждане, склонны видеть врагов в представителях другой национальности. При этом вопрос о форме зависимости между экономическим положением, социальным статусом и акцентированностью сознания остается за скобками темы этнизации.

4. *Культурный фактор.* Как уже отмечалось, мигранты и русские москвичи чаще всего выступают носителями различных типов культур, поведенческие сте-

реотипы которых могут негативно восприниматься в нормативных базах других культур. Таким образом, проявление нереперентных типов культур способствует усилению этноцизации через отторжение нехарактерных образцов поведения. Например, пока на московских улицах не стреляли во время свадьбы, у москвичей не было возможности оценивать такую кавказскую «традицию», оказавшуюся для них неприемлемой. Или до тех пор, пока в мусульманские праздники не стали перекрывать проспект Мира в окрестности мечети, представители других конфессий тоже не имели повода для недовольства, а значит — и лишнего барьера в отношениях с иноверцами и дополнительного критерия этнической самоидентификации. При этом необходимо принимать во внимание не только различия в культурах, обусловленные их *этническим* своеобразием, но и дистанцию между *городской* и *сельской* культурами, по-сути, противостоящими в мегаполисе, а также расхождение между *постфигуративной* (традиционной культурой, в которой младшие учатся у старших) и *префигуративной* (культурой, в которой старшие учатся у младших) культурами.

С другой стороны, в совокупности культурных факторов этноцизации необходимо указать такое сдерживающее начало, как сохранение у определенной части русского населения советской модели интернационального восприятия этнических процессов. Этой модели, унаследованной из прежних времен, присуще приглушенное, прикровенное отношение к этническим проявлениям бытия социума, стремление понизить их значимость и тональность или вовсе придать им латентный характер. Но и в этом случае известным противовесом уходящей в историческое предание советской нормы межэтнических отношений выступает отмечаемое экспертами повышение интереса русских к своей, русской истории. Это путь «просвещенной этноцизации» сознания русских. Вписанный в контекст общемировой истории, этот путь, скорее всего, позволяет надеяться на выстраивание этнической идентичности, адекватной современной цивилизационной обстановке в мире.

5. *Образовательный фактор.* Помимо упомянутой «просвещенной этноцизации», опирающейся на достаточно высокий образовательный уровень, можно говорить и еще об одном, противоположном в своей причинности, эффекте образования. Это выдвинутое в качестве гипотезы представление, что этноцизации способствует, напротив, процесс архаизации социальных структур, их упрощение за счет снижения качества образования. Вследствие такой культурно-образовательной редукции люди в своем мышлении, в восприятии реальности и отношении с окружающими переходят к оперированию упрощенными дихотомическими категориями «свой — чужой», устойчивость которых обеспечивается их предельной поляризацией и логической простотой. Очевидно, качество такой этноцизации существенно отличается, разумеется, в худшую сторону, от действительно образованного этнического самосознания.

6. *Криминальный фактор.* Факты преступлений, совершенных нерусскими мигрантами по отношению к русским, создают удобный информационный плацдарм для этноцизации. Эксперты отмечают распространенность в среде русских мо-

сквичей клише: федеральные и местные власти, в силу разных причин, включая и коррумпированность их полномочных представителей, фактически покровительствуют чужакам, которые, вследствие этого, чувствуют себя достаточно вольготно и безнаказанно, ведут себя нагло и развязно, как «хозяева жизни». В случаях реальных конфликтов властные структуры очень часто стремятся «минимизировать», замять инцидент, при этом «прикрывают» мигрантов или откровенно принимают их сторону. Даже по отношению к убийцам деятельный розыск иногда вообще не осуществляется, или же оказывается, что, отбывая срок наказания на своей исторической родине, эти преступники безосновательно освобождаются по УДО. Все это вызывает и питает горькое чувство несправедливости у русских, формирует у них устойчивое ощущение, что власть покровительствует именно этим этническим группам и национальным сообществам, а русские, находящиеся в своем историческом доме, заброшены и преданы нынешней политикой.

Криминальный фактор тесно взаимосвязан с информационным фактором, так как именно информационное поле реализует и наполняет каналы трансляции сообщений о подобных инцидентах и способно усиливать или смягчать этнические акценты в новостных выпусках масс-медиа. Разумеется, если человек, социальный агент сам становится действующим лицом, участником конфликта, если проявления этнической преступности непосредственно касаются его жизненного мира, роль СМИ как катализатора криминального фактора снижается, уступая собственным свидетельствам и переживаниям данной ситуации.

Выделенные специалистами факторы этнизации сознания относятся ко всем ключевым сферам общественной жизни (экономической, политической, социальной, культурной), что указывает на многоаспектность и масштабность данного процесса. Как отмечают сами эксперты, этнизация — это очень разветвленный, многогранный процесс.

В содержательном плане процесс этнизации можно рассматривать в следующих аспектах:

— этнизация как актуализация этничности в этноконтактном пространстве мегаполиса, как усиление чувства сопричастности к «своей» этнической группе. Это, по сути, личностный горизонт этнизации сознания — выстраивание идентичности русского человека по признаку этнической принадлежности;

— этнизация как реакция — защитная и потому вынужденная — на ущемление прав русских другими этническими группами России, как ответное противопоставление русского народа всем иным. По замечанию экспертов, русские ощущают себя народом, угнетаемым на своей территории, де-факто имеющим меньше прав, чем разнообразные этнические меньшинства, каким-то посторонним субъектом в национальном составе государства;

— этнизация как трамплин для ксенофобии и как усиление чувства «мы против них». В русле этого иррационального восприятия происходит идеологическое конструирование и социально-технологическое внедрение упрощенных схем коллективной национальной ответственности; гипертрофированная, чрезмерно смещенная в область позитива и вызывающая социальную эйфорию, интерпретация

коллективных национальных достижений, которые присущи именно и исключительно русским. А с другой стороны — поддержание в полной боевой готовности «трюизма», подкрепляемого историческими примерами, о наличии у русского народа врагов, которые постоянно мешают ему жить и процветать;

— этноцизация, как поиск «естественных», социоприродных оснований русскости, который может выражаться в обращении к истории — русского государства, российского общества, города Москвы, — к истории и содержанию национальной культуры и опыту исторического бытия народа в попытке идентифицировать и осмыслить объективное значение «русскости», установить значение феномена «русского мира» для общероссийского и международного социума, в глобально-цивилизационном контексте.

Последнее содержательное определение этноцизации представляется наиболее важным и требующим более подробного анализа, так как оно выводит на связь понятий «этничность» и «русскость». Это тем более необходимо, что на протяжении длительного периода этничность русских находилась в латентном состоянии и активно начала проявляться лишь в период постсоветской социальной трансформации. Длительная политическая сублимация этнической рефлексии русских, мотивированная государственными интересами и «оправданная» статусом «старшего брата», в новое время привела к возникновению параллельных, весьма различных смыслов и интерпретаций русской идентичности.

Помимо этого целесообразно не только принять во внимание само содержание суждений экспертов по вопросам русской идентичности, но и попытаться проследить методологические установки, на основании которых специалисты строят окончательные заключения. Такой подход опирается на хорошо известную модель восприятия этничности, описывающую три класса установок: (1) эссенциализм (отношение к этническим группам как к обладающим сущностными атрибутами, родовыми наборами качеств и свойств) — центрирующий принцип; (2) эссенциалистская идеализация своей этнической группы — сдвиг ее образа в область положительных оценок; и (3) приписывание другим нациям и этносам, напротив, сущностных негативных характеристик — смещение этно-национального «фона» в область отрицательных оценок.

В указанном семантическом пространстве характерным высказыванием, включающим в себя и признание «природных» свойств русского этноса, и идеализацию русских, и приписывание негативных качеств другим этническим субъектам, можно считать, например, следующее: *«Русские лишены всяких признаков ксенофобии. Но мы видим дикое проявление ксенофобии в разнообразных материалах многих средств массовой информации национальных республик. Однако в Москве и в других русских регионах представители даже тех этнических республик, в которых активно исповедуют — на очень высоком социально-политическом уровне — русофобию, никаких проблем не испытывают».*

Такая дискурсивная схема обнаруживается в ряде экспертных выводов. Однако следует учитывать, что эксперты — не только специалисты в области этнических отношений, но еще и публичные люди, имеющие санкционированный дос-

туп к арсеналу информационных инструментов. Например, представители органов государственного управления, руководители общественных организаций и СМИ, как правило, обладают большим ресурсом в информационном поле, а члены академического сообщества имеют возможность транслировать информацию, причем в различной модальности, достаточно широкому кругу специалистов и учащихся по научно-образовательным каналам. Наконец, представители государственной власти в большей степени, чем другие социальные агенты, могут влиять на принимаемые управленческие решения, т.е., по-сути, операционализировать свое понимание процесса этнизации, воплощая это понимание в конкретные акты управления. Таким образом, можно говорить, что эксперты обладают особым капиталом, придающим дополнительный вес и значимость их оценкам и суждениям.

Особенностью указанной трехкомпонентной эссенциалистской модели восприятия этничности является ее замкнутость и завершенность. Априори приписывая различным этническим группам особые атрибуты, она едва ли предполагает выход за собственные пределы. Подобная предопределенность в природных свойствах — «национальных характерах» — различных этносов, жесткость и застылость в распределении родовых этнических качеств, конечно же, не может обеспечивать эффективную и конструктивную межэтническую коммуникацию на длительных интервалах исторического времени. Замкнутость данной системы обеспечивается за счет тесной, взаимообусловленной и взаимодостаточной связи всех ее компонентов и, при исключении хотя бы одного из них система, вероятно, теряет свою полноту и устойчивость. Однако до тех пор она с высокой эффективностью воспроизводит и себя, и, в своей методологической матрице, — восприятие этничности, шаблоны этнического сознания.

В практическом плане для преодоления такой функции эссенциализма, обрекающей этническое сознание на косность, необходимы специальные просветительские мероприятия, направленные на предотвращение замыкания этнического сознания. Это можно обозначить как одно из направлений по обеспечению эффективной межэтнической коммуникации — направление, требующее разработки соответствующего социального и социально-психологического инструментария. В период СССР аналогичные технологии использовались на полигоне «советский народ», однако, как уже отмечалось, они регулировали сферу межэтнических и межнациональных отношений, скорее, не путем их действительного, иногда болезненного, развития и вывода на более высокую орбиту, а путем «подземного» купирования и одновременно апелляции к социально исторической ответственности русского народа.

Выполненное в рамках проекта обсуждение вопросов этнизации русского населения московского региона подтверждает, что этот процесс, как и его закономерный результат — текущая этническая идентичность — сложные развивающиеся явления, требующие, с одной стороны, эмпирических исследований и углубленного экспертного анализа, с другой, — активного и деятельного внимания государственной власти всех ветвей и всех уровней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Алисов Н.А., Гаспаршвили А.Т., Исаев А.К., Оносов А.А.* Трудовая миграция в Москве: факты, мнения, перспективы (Ситуационный анализ и моделирование национальной миграционной стратегии). М.: Издательство Московского университета, 2015.
- [2] *Оносов А.А., Гаспаршвили А.Т.* Измерения идентичности русских: социологические оценки и гуманитарная экспертиза // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2016. № 2.

ETHNICIZATION OF THE COLLECTIVE CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS IN THE MOSCOW REGION: AN EXPERT ASSESSMENT OF THE PROCESS

A.A. Onosov¹, A.T. Gasparishvili²

¹Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

²Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Based on the existing scientific approaches, the article continues considering the ethnicization of the mass consciousness of Russian citizens, which takes place under the internal and international labor migration. The article presents the results of the situational analysis and humanitarian expertise of the Russian population's ethnic identity formation in Moscow and the Moscow Region as Russia's main attractors of international labor migrants. Based on the statistical data, public opinion survey data and expert assessments, the authors present an empirical model of ethnic identity with theoretical validation and interpretation provided. The study of ethnic identity is accompanied by an insight into the causes and factors of the Russians' collective consciousness ethnicization, explication of the real content of this process with regard to specific conditions of its manifestation contributing to intensification or weakening of ethnicization. Then the ethnicization of consciousness is considered in the broad context of global ethnic-social dynamics: as a part and reflection of the overall civilizational process determining that the rise of ethnic self-awareness in various social groups and regional communities, not only in Russia, but also far abroad, is a forced response to the globalization as it is practiced in the contemporary world.

Key words: identity; labor migration; ethnic identity; ethnization; ethnic self-awareness; public opinion; humanitarian expertise

REFERENCES

- [1] *Alisov N.A., Gasparishvili A.T., Isaev A.K., Onosov A.A.* Trudovaja migracija v Moskve: fakty, mnenija, perspektivy (Situacionnyj analiz i modelirovanie nacional'noj migracionnoj strategii) [Labor migration in Moscow: facts, opinions, prospects (Situation analysis and national migration strategy modeling)]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2015.
- [2] *Onosov A.A., Gasparishvili A.T.* Izmerenija identichnosti russkih: sociologicheskie ocenki i humanitarnaja ekspertiza [Measurements of the Russian identity: Sociological assessments and humanitarian expertise]. Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». 2016. No 2.